

Хань Дуй и бухгалтер Чжан шли по дороге, когда их нагнала Чэнь Юэсян.

— Мам, ты что-то забыла? — спросил Хань Дуй.

Чэнь Юэсян бросила многозначительный взгляд на Чжана и тихонько усмехнулась. Бухгалтер сразу всё понял — матери нужно поговорить с сыном без лишних ушей. Он прочистил горло:

— Ладно, Сяо Жуй, я тогда пойду в контору, не буду вам мешать.

Как только бухгалтер Чжан отошёл подальше, Чэнь Юэсян облегчённо выдохнула:

— Ох, Сяо Жуй, у меня до сих пор голова кругом. С чего это вдруг Ли Маньфу так резко переменялся? Не нравится мне всё это, не к добру.

— Мам, я же рассказывал тебе вчера, — терпеливо объяснил Хань Дуй. — К нам приезжал вице-капитан Хуа из Великой бригады. За то, что мы приютили двоих чжицин, он похвалил нашу сознательность, и я ему приглянулся. Когда я провожал его, он расспросил про мою работу, а потом приструнил Ли Маньфу. Сказал, что независимо от фамилии все мы — один народ, а цель революционного кадра — служить людям. Вот Ли Маньфу и пошёл на попятную, взял меня в отряд.

Чэнь Юэсян нахмурилась, пытаясь вспомнить прошлый вечер, и недоверчиво спросила:

— Ты разве говорил мне об этом вчера? Что-то я не помню.

Хань Дуй мысленно хлопнул себя по лбу. И правда, рассказать-то он не успел. Проводив Хуа Чжэнмао, он сразу побежал на пункт приёма за ребятами, а когда вернулся, мать вовсю крутилась на кухне, накрывая на стол для гостей. После ужина поговорить тоже не удалось, да и посплетничать с соседками времени не нашлось.

— Точно, вчера же была такая неразбериха, у меня всё в кучу смешалось, — заюлил он. — Думал, уже рассказал.

Чэнь Юэсян шутливо хлопнула его по плечу:

— То-то же! А я уж испугалась, что совсем к старости умом тронулась.

— Ну что ты, мам, ты у меня ещё хоть куда, как распустившийся цветок! Какая старость? — рассмеялся Хань Дуй.

Чэнь Юэсян легонько пихнула его:

— Ладно тебе зубы заговаривать, иди уже. Первый рабочий день всё-таки, не буду тебя задерживать. Но запомни: раз Ли Маньфу устроил тебя на пару со своим сыном, он точно будет вставлять тебе палки в колёса. Ты там новенький, да ещё и младший по возрасту, так что на рожон не лезь. Сперва закрепись на месте, а уж потом мы с ним разберёмся.

— Мам, я сам точь-в-точь так же думал! У нас с тобой мысли сходятся, — подмигнул Хань Дуй.
— Ну, я пошёл.

Напевая под нос, Хань Дуй зашагал к конторе производственного отряда.

Их дом стоял на самой южной окраине, а контора располагалась в самом центре деревни Ханьли, так что ему предстояло пересечь добрую половину села.

К этому времени слухи о том, что Сяо Жуй стал учётчиком трудодней, уже успели разлететься.

Одни односельчане подходили разузнать подробности, другие заискивали, а третьи лишь холодно наблюдали со стороны, предвкушая знатное представление.

Все прекрасно понимали: Ли Маньфу готовил это тёплое местечко для своего сына, Ли Цяньцзиня. План у председателя был надёжный: поработать ещё пару лет до пенсии, пока сын поднаберётся опыта, а потом передать ему бразды правления. Но тут, откуда ни возьмись, влез Хань Дуй. Разве Ли Маньфу и его верный прихвостень Лю Вэйго дадут парню спокойно дышать? Эх, только-только в семье Хань вырос толковый парень, а Ли его живьём сожрут.

Кое-кто из самых языкастых уже побежал разносить вести по родственникам клана Хань. С самого раннего утра в деревне началось оживление.

Хань Дуй зашёл во двор конторы и направился напрямик в кабинет Ли Маньфу. Председатель как раз собирался уходить. Столкнувшись с Хань Дуйем лицом к лицу, он нацепил на себя официальную маску — держался холодно, но так, что не придерёшься.

— Хань Дуй, — протянул Ли Маньфу не торопясь. — Раз уж ты стал учётчиком, трудись на благо членов коммуны на совесть. Требуй с себя строго, подчиняйся коллективу и партийной организации.

— Будет сделано, председатель! — со всей серьёзностью отчеканил Хань Дуй. — Я продолжу вооружать свой разум идеями нашего вождя и марксизма-ленинизма, хранить верность трудовому народу и вести неустанную революционную борьбу!

Ли Маньфу поперхнулся и сухо кашлянул:

— Кхм... Сейчас вице-капитан распределит между вами обязанности.

В этот момент на пороге возник Лю Вэйго.

Ли Маньфу повернулся к нему и самым праведным тоном произнёс:

— Вэйго, поручаю тебе Цяньцзиня и Хань Дуя. Как их начальник и старший товарищ, ты обязан наставлять молодое поколение. Если мой оболтус в чём-то напортачит — критикуй нещадно, нечего с ним церемониться. Если он даже дружеской критики выдержать не может, пусть катится домой.

Эти слова предназначались Лю Вэйго лишь для вида, на самом деле председатель пытался припугнуть Хань Дуя. Но тот лишь с безмятежным видом рассматривал висевшие на стене плакаты и портрет вождя, пропустив колкость мимо ушей.

Как только Ли Маньфу скрылся за дверью, Лю Вэйго повернулся к Хань Дую и натянул на лицо ядовитую ухмылку:

— От имени руководства отряда приветствую тебя в наших рядах.

— Спасибо, — улыбнулся Хань Дуй и сразу перешёл к делу: — Товарищ вице-капитан, с чего мне начать сегодня?

Лю Вэйго указал на маленькую каморку в восточном крыле:

— Вы с Цяньцзинем будете работать там. Для начала приберись в кабинете, а я пока подготовлю ведомости. Ваша сегодняшняя задача — свести и переписать данные по трудовням, а затем аккуратно перенести их тушью на красную бумагу и вывесить на доску объявлений во дворе. К обеду люди вернутся с полей и придут проверять.

Войдя в каморку, Хань Дуй сразу понял, что здесь сто лет никто не сидел. Письменные столы покрывал толстый слой вековой пыли, а на полу сиротливо валялись обрывки бумаг.

Хань Дуй распахнул окно, впуская свежий воздух. Из трёх столов он присмотрел себе тот, что стоял в самом углу у восточной стены.

Он не спеша принялся наводить порядок. Когда в кабинет лениво вразвалочку зашёл Ли Цяньцзинь, рабочее место Хань Дуя уже сияло чистотой.

Цяньцзинь, нарядившийся по такому случаю в новенькую зелёную военную форму со звездой на кепке, брезгливо сморщил нос. Посмотрев на чистый угол Хань Дуя, а затем на свою засыпанную мусором половину, он возмущённо прикрикнул:

— Хань Дуй, ты как убираешься? Почему только свой стол вытер?

— Хочешь жить в довольстве — работай сам, — спокойно ответил Хань Дуй, продолжая водить мокрой тряпкой.

Ли Цяньцзинь закатил глаза, но делать было нечего — пришлось самому смахивать пыль со стола.

Вскоре в дверях появился Лю Вэйго с охапкой учётных книг, рулонами красной бумаги и тушью. Обращаясь к Ли Цяньцзиню, он так и расплылся в подобострастной улыбке:

— Цяньцзинь, твой отец уехал на собрание в уезд. Твоя задача на сегодня — подсчитать трудодни и переписать их начисто. Потом наклеим на стену у входа.

Ли Цяньцзинь едва удостоил вице-капитана взглядом и небрежно бросил:

— Ладно, понял. Свали книги на стол.

Лю Вэйго угодливо положил три самые аккуратные тетрадки перед сыном председателя, а всю остальную увесистую стопку швырнул на стол Хань Дую.

Хань Дуй наугад открыл одну из книг и тут же наткнулся на расплывшиеся чернильные кляксы. Он ткнул пальцем в неразборчивые каракули и обратился к Лю Вэйго:

— Товарищ вице-капитан, тут цифры смазаны. Есть нормальный оригинал?

Лю Вэйго язвительно хмыкнул:

— И это говорит выпускник средней школы? Стыд и позор, элементарных цифр разобрать не можешь!

Хань Дуй в долгу не остался и сладко улыбнулся:

— И это говорит вице-капитан отряда? Стыд и позор, на простой вопрос ответить не можете.

Наблюдая, как они с ходу сцепились, Ли Цяньцзинь так и засиял от злорадства.

Лю Вэйго, конечно, знал, что палец в рот Хань Дую не клади, но никак не ожидал, что тот осмелится дерзить начальству в первый же рабочий день. Его лицо пошло багровыми пятнами от злости:

— Товарищ Хань Дуй! Я твой непосредственный руководитель и старший товарищ, выбирай выражения! Мой долг — направлять тебя и указывать на ошибки. Если у тебя не хватает

классовой сознательности принимать критику, сиди дома и не суйся на общественную работу!

— Товарищ вице-капитан, мы вообще-то революционные кадры социалистического государства, а не чинуши из старого феодального строя, — парировал Хань Дуй, отчеканивая каждое слово. — Великий вождь учил нас, что кадры должны смело прибегать к критике и самокритике. Мы обязаны крепить сплочённость, но в то же время не бояться вести идейную борьбу! Если у вас не хватает сознательности для этого, то, может, вам место среди буржуазных прихвостней, а не в рядах пролетариата?

— Ты... да как ты... — Лю Вэйго аж задохнулся от возмущения, шумно хватая ртом воздух.

Хань Дуй как ни в чём не бывало перевёл взгляд на тетрадь:

— Так что это за цифра, товарищ вице-капитан? Семёрка или девятка? Жду указаний руководства.

Лю Вэйго, пряча бегающий взгляд, процедил сквозь зубы:

— Пиши семь. И поживее давай, люди скоро вернутся с работы, а у тебя конь не валялся.

С этими словами он пулей вылетел из кабинета.

Хань Дуй лишь усмехнулся. Было очевидно, что в этих книгах полно подвохов. Дешёвые трюки, даже марать руки нечем.

Едва за Лю Вэйго закрылась дверь, Хань Дуй подхватил свои ведомости и бесцеремонно уселся на край стола Ли Цяньцзиня.

Тот недовольно зыркнул на него:

— Чего припёрся? Иди работай.

— Ну что ты так официально? Мы же теперь коллеги, надо налаживать товарищеские отношения. Кстати, в честь нашего назначения ты просто обязан угостить меня обедом. На этот раз хочупельменей.

Ли Цяньцзинь вытаращил глаза:

— С какой стати я должен тебя кормить?

— Всё просто: у меня нет ни гроша, — без тени смущения выдал Хань Дуй.

Пока они препирались, он как бы невзначай положил свои бумаги на стол, перемешав их с ведомостями Цяньцзиня.

— Эй! Ты что творишь? — взвыл тот. — Всё мне перепутал! Забирай свои бумажки и катись отсюда!

— Ладно-ладно, не буду отвлекать тебя от созидательного труда, — примирительно улыбнулся Хань Дуй.

Он сгрёб ведомости в охапку и вернулся к своему столу.

Хань Дуй споро подсчитал трудодни, свёл их в черновую тетрадь, а затем взялся за кисть. Почерк у него был каллиграфический — ровный, уверенный. Закончив писать, он подождал, пока подсохнет тушь, и, напевая весёлый мотивчик, стащил из кабинета Лю Вэйго полведра клейстера.

Выйдя во двор, Хань Дуй аккуратно наклеил ярко-красный свиток на доску объявлений.

Ли Цяньцзинь, который до этого лениво выводил каждую закорючку, занервничал, увидев, что соперник уже управился. Почерк у него и так напоминал куриную лапу, а от спешки буквы и вовсе поползли вкривь и вкось. Кое-как закончив переписывать, он схватил свой лист и побежал на улицу.

У ворот конторы уже собралась толпа колхозников. Они шумно обсуждали результаты и дружески переговаривались с Хань Дуйем.

— Сяо Жуй, неужто тебя и впрямь в контору взяли?

— Ишь ты, как красиво написал! Сразу виден почерк грамотного человека.

Хань Дуй вежливо и тепло отвечал каждому — от его недавней дерзости не осталось и следа.

Среди собравшихся были как люди из клана Ли, так и из клана Хань. Первые стояли с кислыми минами, презрительно кривя губы и отпуская колкие замечания. Зато вторые прямо-таки светились от гордости и оживлённо перешёптывались:

— С чего это Ли Маньфу вдруг пошёл на уступки и взял нашего Сяо Жуя?

— Эх ты, темнота! Да вчера же сам вице-капитан Хуа из Великой бригады приезжал!

— Да-да, я своими глазами видел, как они стояли у ворот и мило беседовали.

— Неужто наш клан Хань наконец-то голову поднимет?

— Рано радоваться, надо ещё посмотреть, удержится ли малый на этом месте.

— И то правда. Надо бы приглядеть за ним, нельзя позволять этим Ли и дальше единолично заправлять всем в деревне!

В разгар этих разговоров к доске подошёл хмурый Ли Цяньцзинь и буркнул:

— Разойдись! Дайте ведомость наклеить.

Люди нехотя расступились.

Ли Цяньцзинь попытался прикрепить свой лист повыше, чтобы превзойти Хань Дуя хотя бы в этом, но из-за невысокого роста у него ничего не вышло. Бумага легла криво, к тому же он от души бахнул клейстера, так что отодрать её без потерь теперь не представлялось возможным.

Ли Цяньцзинь угрюмо созерцал плоды своих трудов, пока толпа хлынула к стенду, выискивая свои фамилии. Те, кто уже изучил ведомость Хань Дуя, не спешили расходиться и продолжали обсуждать увиденное:

— Ну и контраст...

— Не говори. У Сяо Жуя каждый иероглиф — загляденье, а тут...

Кто-то тихо добавил:

— Да уж, словно курица лапой нацарапала.

Хоть сказано это было шёпотом, Ли Цяньцзинь всё прекрасно услышал. Он побагровел и яростно зыркнул на толпу:

— Чего разбормотались? У кого тут куриная лапа?!

Шутник испугался гнева председательского сынка и поспешил затеряться в толпе.

Ли Цяньцзиню казалось, что каждый шепоток и смешок в толпе направлен против него. Выйдя из себя, он прикрикнул:

— Живее смотрите! Сейчас сорву всё к чертям!

Крестьяне удивлённо загалдели:

— Цяньцзинь, ты чего? Раньше ведомости висели по несколько дней, с чего вдруг срывать?

— Раньше — это раньше, а сейчас правила другие! — огрызнулся тот. — Вид они тут портят, понимаешь ли!

— Да уж, твоя точно портит... — донеслось из толпы тихое бормотание.

Ли Цяньцзинь окончательно помрачнел.

Тут в разговор вмешался Хань Дуй. Самым дружелюбным и заботливым тоном он произнёс:

— Товарищ Цяньцзинь, мы ведь теперь народные служащие. Нам положено относиться к массам вежливо и терпеливо.

Ли Цяньцзинь одарил его испепеляющим взглядом.

— Тем более, — как ни в чём не бывало продолжал Хань Дуй, — рабочие ещё не все вернулись с полей. Многие смогут подойти только вечером. Пусть бумага повисит, никакой вид она не портит.

Ли Цяньцзинь задыхался от злости. Он уже развернулся, чтобы уйти, как вдруг к конторе подошла новая группа крестьян во главе со старым Ли Иньанем.

Завидев Хань Дуя, старик ядовито ухмыльнулся:

— Ого, уже и ведомости вывесили? Что-то больно быстро. Как бы спешка боком не вышла, а то понапишут тут... Смотри у меня, Хань Дуй, если хоть один мой трудовень потеряешь — живьём съём!

Старик близоруко уставился в бумагу, а через секунду его лицо исказилось от ярости, и он завопил на всю площадь:

— Это кто составлял?! Почему у меня трудодней меньше, чем положено?! Решил личные счёты со мной свести, щенок?!

Его крик послужил сигналом для остальных:

— Батюшки! И у меня не хватает! Это что за вредительство?! Совсем ослепли там в конторе, глаза на затылок натянули?!

Трудодни для крестьян были вопросом жизни и смерти. От них напрямую зависела доля зерна при распределении и годовой доход семьи. Каждая семья вела свой домашний учёт и примерно знала, сколько баллов заработала за сезон.

Обнаружить такую пропажу — шутка ли? Толпа мгновенно взрывообразно зашумела. Самые расторопные уже бежали домой за своими блокнотами, чтобы сверить каждую цифру.

Началась жуткая толкотня. Хань Дуя и Ли Цяньцзинь быстро оттеснили от стенда.

Ли Цяньцзинь злорадно уставился на коллегу:

— Ну что, великий счетовод? Доигрался? Первый день на работе — и такой позор! Посмотрю я, как ты теперь выкручиваться будешь. Ну что, празднуем сегодня?

— А как же? — абсолютно спокойно ответил Хань Дуй. — Праздник никто не отменял. На обед будут пельмени. В посёлок ехать некогда, заглянем в небольшую столовую при Седьмом отряде. Договорились? Кто пойдёт на попятную — тот пустозвон.

Ли Цяньцзинь только покачал головой. У парня земля под ногами горит, а он всё о еде думает. Ну и дурак.

Тем временем народ валом валил с полей. Возмущённых криков у доски объявлений становилось всё больше.

Вскоре разъярённая толпа обманутых колхозников ворвалась в контору, требуя к ответу Лю Вэйго и бухгалтера Чжана.

Ли Цяньцзинь с ухмылкой подтолкнул Хань Дуя плечом:

— Ну что, зайдёшь внутрь или сразу домой побежишь жаловаться мамочке?

— Знаешь, я бы на твоём месте постерёгся радоваться, — Хань Дуй одарил его сочувственным взглядом. — Чисто по-товарищески напомню: те листы, на которые кричат Ли Инъань и остальные... их кто считал? Ты или я?

Ли Цяньцзинь замер. Улыбка медленно сползла с его лица, уступив место мертвенной бледности. Воспоминания о недавней спешке и неразберихе со стопками тетрадей ледяной волной окатили его с ног до головы.

Расталкивая локтями толпу, он в панике бросился обратно к стенду:

— А ну разойдись! Дайте пройти! Мне надо проверить!

<http://bllate.org/book/19655/1996585>